

Моисеев Н.Н. Время определять национальные цели. - М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. 256 с.

О НЕОБХОДИМЫХ ЧЕРТАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО

Н.Н. Моисеев

Философические заметки

1.

Каждая эпоха рождает свой тип мировоззрения: новые знания и новый опыт вносят свой вклад в нашу культуру и идет непрерывная трансформация наших взглядов на окружающий мир, на нас самих и на наше место в нем. Но бывают периоды и коренной перестройки самих основ эволюционного процесса развития человека, поворотные моменты и в истории человека, и даже антропогенеза, как и в каждом из природных процессов. Я думаю, что мы как раз и подходим к одному из таких поворотных моментов. Но угадать будущее нам не дано. Тем не менее кое-что из будущего мы не просто просматриваем в туманной дали, а многое представляем уже достаточно отчетливо. Так, мы уверены, что необходимо появится система новых табу и возникнет необходимость новых знаний. Но этого всего будет еще заведомо не достаточно, чтобы выстроить систему нового воспитания и сформулировать новую цивилизационную парадигму.

А что еще необходимо сегодня, чтобы не было катастрофы завтра? Каков должен быть новый антропоцентризм? А он должен быть, ибо нас волнует прежде всего судьба человека. Но новый антропоцентризм должен не просто ставить человека в центр мироздания, как в былые времена, а стремиться изменить себя и Природу и прежде всего свое поведение так, чтобы сохранить себя на планете. Антропоцентризм не ради настоящего, а ради будущего! Но как этого достичь? И возможно ли это?

Вот некоторым размышлениям на этот счет и посвящена настоящая работа.

2.

Недавно я написал книгу "Современный рационализм" (издание Международного независимого эколого-политологического университета и Российского научного гуманитарного фонда. М., 1995). Это была попытка изложения своего представления об одной из важнейших составляющих современного мировоззрения. Того элемента мировоззрения, который должен быть присущ любой цивилизации, ибо это инструмент, необходимый для их существования в современных условиях.

Но рационализм всего лишь элемент мировоззрения, поэтому настоящая работа, в которой я постараюсь изложить видение того, чего, по существу, недостает рационализму, является естественным продолжением моей книги.

В основе той работы лежат соображения, как мне представляется, естественные и вполне очевидные для любого человека, который всю жизнь занимался естествознанием, то есть стремился познать те законы, которые управляют Природой, и методы их использования, позволяющие человеку предвидеть возможные последствия своих действий. Смысл этих

соображений состоит в том, что сами законы и методы их использования суть концентрированный опыт человека. И следствия этого опыта (научных исследований, и не только их) Вернадский называл эмпирическими обобщениями. В рамках такого подхода мы имеем право говорить о "РЕАЛЬНОМ СУЩЕСТВОВАНИИ" лишь того, что является логическим следствием эмпирических обобщений. Если угодно, это и есть кредо рационального мышления.

Эмпирические обобщения и есть опора практической деятельности человека, способная защитить его от возможных ошибок и неудач и помочь достичь желаемых целей. Они необходимо должны быть основой любого образовательного процесса: человек должен знать, как функционирует биосфера — та сложнейшая система, которая является его единственным домом, домом, которому он обязан своим появлением на свет и частью которого он является.

Но эти знания еще не есть мировоззрение! Это лишь познание дома — шаг, абсолютно необходимый человеку, живущему на грани XX—XXI веков. За последние три столетия цивилизация достигла удивительного могущества и породила новый взлет антропоцентризма, столь характерный для античной культуры. Но теперь примитивный антропоцентризм, основанный на представлении об абсолютном могуществе человека, "равного богам", уже отнюдь не безобиден, как в былые времена. И для того, чтобы использовать это могущество во благо человека, а не во вред ему, людям необходимы самые разнообразные знания и то рациональное, что добыто современной наукой. Оно должно стать одной из опор мировоззрения. А значит, и цивилизаций. Любых — это тоже одна из аксиом "экологической арифметики".

Но я назвал свою книгу "Современный рационализм", чтобы подчеркнуть его отличие от рационализма классического и весьма распространенного позитивизма.

Человек - порождение Природы, результат длительного ее развития. В реализации этого эволюционного процесса возник удивительнейший феномен - Разум. Это биологический инструмент, способный познавать окружающий мир. Разуму мы обязаны логикой, а следовательно, и возможностью анализа происходящего и предвидения некоторых фрагментов будущего.

Но Разум не всемогущ. Ему доступно то, что "доступно" уровню совершенства этого биологического инструмента, благодаря тем возможностям, которые возникли в результате длительной эволюции и продолжают открываться в процессе его развития. Поэтому абсолютизация возможностей Разума крайне опасна, как и всякая переоценка своих, достаточно скромных сил. В окружающем мире есть некоторая граница познания, за которой лежит то, что принципиально недоступно тому инструменту, который нам дан законами развития Природы. И как бы он ни развивался, всегда существуют вопросы, на которые человек не имеет и, вероятнее всего, никогда не будет иметь ответа.

Так, например, я верю в то, что наука на любой вопрос "КАК?", то есть на вопрос о том, как возникли те или иные следствия из тех или иных посылок, однажды всегда найдет ответы. И эти ответы человек сможет использовать в своей практике. Но всегда остается вопрос

"ЗАЧЕМ?" — зачем мы вообще есть, зачем есть Вселенная. И есть ли НАЧАЛО начал. И единственный наиболее разумный ответ, который я знаю, был дан Козьмой Прутковым: "А никогда такого не было, чтобы ничего не было!" У меня нет под руками гениального произведения трех остроумнейших людей прошлого века, и, может быть, я не совсем точно воспроизвожу фразу чиновника пробирной палаты. Но это не столь уж важно. Разве не то же пытался сказать Гегель: "В начале мы находимся в сфере непосредственного". А немного раньше: "...начиная, мы еще ничего не доказали, поскольку нет ничего вытекающего из предшествующего." (Гегель. Лекции по истории религии. Т. 1). Если, конечно, есть начало (НМ.)\ И отсюда неизбежный вывод Козьмы Пруткова! Вот почему "абсолютная истина" — это мираж, который всегда отдалается по мере того, как человек обретает новые знания, формирует новые, необходимые для жизни "эмпирические обобщения"!

Математик об этом феномене сказал бы, наверное, так: сколько бы конечных множеств ни выбрасывать из бесконечного, оно останется бесконечным. Сколь бы ни развивались наши знания, всегда останется бесконечно много вопросов, на которые у нас не будет ответа. И один из них - вопрос о существовании "абсолютно" или "объективно" истины.

Вот почему мировоззрение никогда не сможет быть сведено к чисто научному, рационалистическому миропредставлению. Я отдаю себе отчет в том, насколько такое утверждение не соответствует тем канонам, которые пытались привить нам в прошлом. И вижу возражения. Но своим оппонентам мне всегда хочется сказать: я ничего не могу доказать, но взгляните внутрь себя, сосредоточьтесь, будьте абсолютно искренны и честны по отношению к самим себе и попробуйте для себя ответить на подобные вопросы.

В формировании мировоззрения участвует множество причин. Это и религии, и семейные традиции, встречи с людьми, собственная активная деятельность, и многое, многое другое. Но в процессе обучения необходимо выделить рациональное ядро мировоззрения, то, что должно быть общим для всех людей, на что человек может надежно опереться в своей практической деятельности, научить человека использовать эмпирические обобщения. И рациональное начало нельзя ни с чем смешивать. И в рамках рационализма нельзя говорить о Боге и любом иррациональном, то есть о том, что не является логическим следствием того или иного эмпирического обобщения. Обязанность ученых, учителей раскрыть рациональное содержание наших знаний, дать этот инструмент нашим ученикам, научить в круге доступного пользоваться этим доступным и научиться жить в этом круге. Вот всему подобному и была посвящена моя книга.

Это вовсе не означает, что я игнорирую или просто недооцениваю те составляющие миропонимания, которые не сводятся к чисто рациональному знанию. Но их утверждение в человеке имеет совсем другие истоки, качественно отличные от того, что мы называем обучением. Так, например, человек живет в определенном "эмоциональном поле", играющем не меньшую роль в его действиях и его судьбе, чем точные знания. И встречать завтрашний день мы должны не только во всеоружии наших знаний об окружающей Природе, но и при соответствующей настройке этого поля, то есть своего эмоционального (может быть, даже лучше сказать — духовного) восприятия окружающего.

Я не умею объяснять иррациональную сущность человека и находить для нее вербальные представления. (Впрочем, и не знаю кого-либо, кто это умеет!) Поэтому лучше всего пояснить свое понимание места этого "поля", а значит, и процесса формирования мировоззрения, нет, лучше сказать, мировосприятия, примерами собственного жизненного опыта. Вот несколько эпизодов собственной жизни, которые повлияли на мое мировоззрение и мое восприятие окружающего. И, вероятнее всего, сыграли немаловажную роль в том, как сложился мой жизненный путь, выбор моих занятий, моя судьба. Ведь мой личный опыт - это тоже эмпирическое начало. И оно может привести к ряду практических выводов, выводов и суждений, к которым я пришел и которые последуют в конце изложения.

3.

Я человек не религиозный, хотя и никогда не был атеистом. Я с уважением воспринимал любые религиозные мифы, хотя и удивлялся их разнообразию. Как теперь я понимаю, мое неприятие антирелигиозности - это следствие того же суждения, которое лежит в основе рационализма: я не знаю такого эмпирического обобщения, которое мне позволяло бы утверждать отсутствие Бога или Высшего Разума. О том, что я не могу утверждать обратное, я, по существу, уже сказал в предыдущем разделе. Но были и факты личной жизни, которые непосредственно повлияли на мое мировосприятие, минуя какие-либо логические этапы, - факты, которые позволяют делать определенные выводы.

Как я узнал, получая однажды метрику, я был крещен в церкви Николы в Хамовниках в августе 1917 года. Моим воспитанием, в том числе и религиозным, занималась моя бабушка. Несмотря на то что она была лютеранкой, бабушка каждое воскресенье ходила к обедне в православную церковь и выстаивала длинные службы. В воспитательных целях она меня брала с собой. Но стояние в церкви было для меня мучительным времяпрепровождением. Служба мне казалась утомительно повторяющимся представлением и игрой, цель которой я не понимал... Я спрашивал бабушку, почему они каждый раз повторяют одно и то же, неужели им это не надоело и они не могут придумать чего-либо нового. И даже предлагал варианты этой красивой, но нудной игры в храме. Наверное, отсюда и началось мое неприятие церкви. Как позднее я понял, - любой!

Но была и еще одна причина моего детского отвращения ко всему, что связано с религией. У нас дома была прекрасно изданная "Библия для детей" с изумительными гравюрами Доре. Я часто листал эту книгу и всматривался в иллюстрации. Всюду был Бог или его пророки. Бог был величественен и грозен. Он вывел из Египта избранный им народ, вел его по пустыне, он благословлял жертвы и грозил всем врагам своего избранного народа. Одним словом, Бог был страшен!

Ночью мне снились эти гравюры, и я с плачем просыпался. Бабушка меня спрашивала: "Что с тобой?" Я говорил бабушке: мне страшно - ведь я не еврей и поэтому Бог евреев меня хочет убить. Бабушка меня утешала весьма своеобразно. Она мне говорила: ты не бойся, у нас есть свой Бог, он сильнее и Он тебя защитит. Это меня успокаивало, и я засыпал. Потом эта книга куда-то делась, ее, наверное, спрятали, брать меня в церковь перестали, потом началась школа - советская школа, и религия надолго ушла из моей жизни.

И все же один раз я молился, причем, как сейчас понимаю, вполне искренне.

Во время войны я был инженером по вооружению бомбардировочного авиационного полка. Эпизод, о котором я буду рассказывать, произошел где-то между Великими Луками и Новосокольниками. Эта местность только что была освобождена нашими войсками. Я шел с летного поля в деревню, где мы тогда размещались. Решив сократить дорогу, я вместе с одним спутником пошел через заснеженный луг. Неожиданно взорвалась мина, и осколок прошел сапог и поранил ногу. Оказалось, что мы пошли по участку, который не был еще проверен саперами, и недалеко от нас стоял колышек с дощечкой, на которой была надпись "мины". Мы его просто не заметили.

Кругом были мины: шаг вперед или назад, направо или налево грозил смертью. Я опустился на корточки и прежде чем начать разгребать снег, как-то глубоко ушел в себя, перекрестился и произнес какие-то слова молитвы. Я не помню, что я попросил у Бога, но я действительно молился. И вот случилось так, что я остался жив. Разгребая осторожно снег, я нашел мину и увидел, что это была как раз та пехотная мина образца 1905 или какого другого года, но именно та, на образцах которой нас в академии им. Жуковского обучали элементам минного дела.

Дальше все уже было просто: я знал, как обращаться с этими минами, и вскоре мы были на опушке спасительного леса. А еще через полчаса я был в санчасти, мне сделали противостолбнячную прививку, перевязали ногу, и я, хромая, пошел в избу к своим оружейникам.

Позднее саперы мне сказали, что других пехотных мин у них не было отродясь. Тогда я понял и смысл, и значение своей молитвы. Она помогла мне собраться, не сделать случайной оплошности. Но именно это и было судьбоносно. Я невольно вспомнил свою бабушку.

За три года, проведенные на фронте, я не раз видел, как молитва выручала людей в критических ситуациях: она создавала тот эмоциональный настрой, который давал уверенность в себе и помогал мобилизовать свою волю.

4.

Я не люблю священнослужителей. Любой конфессии! Мне, наверное, очень не повезло, но я на своем веку почти не встречал священника, с которым я мог бы найти общий язык, который был бы способен мне рассказать, почему он выбрал ту дорогу, по которой он пошел, то дело, которому он посвятил свою жизнь. Но была еще одна причина, которая мне не позволяла войти в контакт со священнослужителями.

Я много лет преподавал в высших учебных заведениях, и по долгу службы мне постоянно приходилось бывать в контакте с преподавателями марксизма-ленинизма. Меня поражало их согласие безропотно и бездумно следовать одному-единственному интеллектуальному каналу. Его берега были столь жестко ограничены, что мне было даже трудно называть этот канал интеллектуальным: все мыслимые вопросы были уже решены заранее. Даже малое отступление от трафарета считалось наказуемой ересью. Моя неспособность следовать во всем и всегда принятому трафарету однажды могла иметь для меня весьма печальные

последствия.

В 1951 или 1952 году мне было поручено вести семинар по методологическим вопросам физики. В моем распоряжении оказалось довольно много методологического плана оригинальных статей Бора, Гейзенберга, Шредингера и других столпов современной физики. И я, не мудрствуя лукаво, предложил их прореферировать и обсудить. Мои коллеги по университету с удовольствием приняли это предложение. Мы начали работать - всем было интересно.

Но неожиданно меня вызвали в отдел науки Ростовского обкома партии - я тогда был доцентом Ростовского университета - и сказали примерно следующее: вы что, в своем уме, чтобы рекламировать буржуазную ересь, кто вам разрешил заниматься отсебятиной! Вот есть статья об ошибках копенгагенской школы, ее и надо изучать, все, что вам необходимо, там есть.

Я был отстранен от руководства методологическим семинаром, и на этом дело закончилось. Хотя, как мне сказали знающие люди, могло бы быть и гораздо хуже. Вот эта борьба с отсебятиной, эта канонизация одной, и вполне определенной, доктрины в равной степени присуща и преподавателям марксизма, и большинству священнослужителей, с которыми меня сводила судьба. Меня поражало нежелание говорить о самом главном - обсуждать суть божественного. Позднее я узнал, что это просто запрещено православием. Но именно этот вопрос меня и интересовал больше всего. О нем я много думал.

Совсем недавно на одном семинаре я вспомнил слова Гегеля "Бог -всеобщее абстрактное наименование, не получившее своего истинного содержания". Какое это вызвало негодование у двух теологов, присутствовавших на этом семинаре, один из которых был мусульманином, а другой православным.

В 70-х годах я проводил некоторые расчеты по поручению комиссии ЮНЕСКО по Великим озерам и часто бывал в Торонто. В один из моих приездов я был приглашен в Оттаву нашим послом (тогда им был А.Н. Яковлев). После моей встречи с работниками посольства, которые интересовались той работой, в которой я принимал участие, я вернулся в гостиницу и позвонил канадцу русского происхождения, некоему Петрову, с которым я познакомился в Москве и который на всякий случай оставил мне свой телефон в Оттаве. Он немедленно примчался в гостиницу с бутылкой вина, и у нас состоялся очень интересный разговор - он мне рассказал много такого о жизни русских в Канаде, о чем я и не догадывался.

Петров был очень верующим человеком. Более того, он был чем-то вроде старосты (или членом общественного совета) православной общины Канады, и она строила в Оттаве православный собор. Все то, что он мне рассказывал, было ново и интересно. По ходу разговора зашла речь о союзе церквей, и мой гость высказал категорическое неприятие этой идеи. Мне было удивительно услышать из уст физика по образованию, что сесть за один стол с еретиком грешно и безнравственно. Конечно, это было мнение не его, а той церкви, к которой он принадлежал. Его слова были еще одним подтверждением того, о чем я уже говорил. Но вопрос был шире, и он не касался только православия.

После наших работ по "ядерной зиме" я однажды был приглашен в папскую академию, и мне довелось в Ватикане разговаривать с одним из кардиналов. Он был дипломатичнее, более образован, чем мой канадский знакомец или те русские священники, с которыми мне приходилось общаться до этого. Но в нем была та же приверженность канону, на все готовый ответ и наличие запретных зон для обсуждения: ни дать ни взять — преподаватель истории КПСС. Только необразованнее!

Пожалуй, лишь один раз у меня получился разговор со священнослужителем - та естественная форма дискуссии, которая возникает между интеллектуалами, когда разговор им обоим бывает интересен. Это был нынешний Далай-лама, и мой разговор состоялся на его приеме в издательском отделе Московской Патриархии. Он принимал мои аргументы, выдвигал свои, задавал вопросы, возражал, соглашался. Задумывался над сказанным. Никаких запретных тем. Разговор закончился немного комично. Он мне сказал: "Ну, я вижу, что вы никакой не эволюционист, вы настоящий буддист". Я принял это как шутку.

5.

Как уже, вероятно, понял читатель, с религией, как я считаю, мне просто не повезло: на моем пути не встретилось священника, который смог бы мне показать то, что может дать духовному миру человека настоящая религиозность. Не обрядовая сторона той или иной конфессии, не та совокупность постулатов поведения, которой должен придерживаться любой человек, принадлежащий той или иной церкви, а та мудрость, которая привлекала к религии мнейших людей во все времена, и та красота миропредставления, которая, как мне кажется, присуща по-настоящему верующему человеку. Впрочем, может быть, здесь дело и не в невезенье: люди просто очень разные и не всем дано увидеть красоту в религиозном миропонимании.

Мне всегда хотелось стать верующим. Мне хотелось познать радость того глубоко интимного общения с Богом, которое, вероятно, присуще по-настоящему верующим людям. Но, увы, у меня это никогда не получалось.

Но мне повезло в другом: мне удалось увидеть и познать много прекрасного, что делало мою жизнь содержательной и определило многие особенности моего миропредставления, а следовательно, и поведения, и выбора жизненного пути в хаосе случайного и непредсказуемого. Я расскажу о двух эпизодах, которые я выбрал потому, что они сыграли особую роль в моей жизни.

Однажды я со своей младшей дочерью пошел на концерт. В этот вечер в консерватории давали Рихарда Штрауса, гениального композитора, произведения которого, к сожалению, редко звучат в наших концертных залах. Оркестр исполнял его "Ночь просветления". Я люблю симфоническую музыку, хотя на концерты хожу очень редко и поэтому выбираю те вещи, которые более или менее знаю. Но в тот вечер я впервые слушал Рихарда Штрауса, и он оказался особенным. Передо мной как будто бы открылся новый мир. Я несколько дней был под впечатлением музыки Рихарда Штрауса. Она для меня действительно была "Ночью просветления"!

На той же неделе мне пришлось быть на каком-то академическом совещании, где шла какая-то подковерная, как теперь говорят, борьба. Когда дело дошло до голосования, я подумал, а какое это все имеет значение, если есть люди, способные написать "Ночь просветления", если вообще бывают ночи просветления! А они же бывают: я только что ее пережил. Потом еще несколько раз я переживал нечто подобное, все больше и больше утверждавшее мой образ восприятия окружающего.

А вот второй эпизод, сыгравший не меньшую роль в моем миропредставлении .

В молодости я занимался "большим альпинизмом". Не очень большим, но все-таки настоящим альпинизмом. Я бывал в большинстве горных районов Советского Союза, где занимаются альпинизмом. Бывал и в Альпах, и в Скалистых горах. Но ничего, подобного Алтаю, сравнимого с ним, я не знаю. Снеговая линия на Алтае проходит значительно ниже, чем на Кавказе, а тем более в Средней Азии. Но северная природа такова, что на склонах деревья, преимущественно лиственница, растут чуть ли не до трехкилометровой высоты, гораздо выше языков ледника и снеговой линии.

В 1952 году мне довелось быть первым начальником спасательной службы в первом алтайском альпинистском лагере в ущелье Ак-Тру, недалеко от монгольской границы. Но знакомство с Алтаем у меня состоялось значительно раньше, так же как и родилась любовь к этому горному краю. Перед самой войной я участвовал в небольшой экспедиции, которая предполагала подняться на Белуху с севера, с ледника Радзевича, траверсом хребта Делоне.

Наш небольшой караван - две лошади, погонщик и человек семь-восемь альпинистов - шел по узкой тропе высоко над речкой, вытекающей из-под языка ледника. И неожиданно за одним из поворотов перед нами открылась Белуха. Глубоко внизу лежала долина, а надо всем навис почти пятикилометровый снежный исполин, этаким могучий и грозный властитель. Но нет - на самом деле не Властитель, а Охранитель: на другой стороне ущелья, обращенной к югу, высоко над ледником неширокой полосой поднималась роща из лиственниц. В июне деревья были ярко фисташковыми, и, обращенные к Солнцу, они олицетворяли ЖИЗНЬ. И над этой рощей снежный исполин, защищающий ее от северных ветров. И дававший тем самым возможность этой роще быть радостным фисташковым островком жизни.

Мы все остановились, завороченные открывшейся картиной.

Я думаю, что для многих из нас эта роща была тем символом жизни, тем откровением Природы, встреча с которыми и восприятие которых не менее важно для человека, чем знание законов Ньютона. И правил логического мышления.

Лет через 35 я начал заниматься проблемами биосферы. Когда я начал изучать ее свойства как целостной системы с помощью компьютерной имитации ее функционирования и читать труды Вернадского, то у меня родилось свое представление о ноосфере. Я однажды представил себе человечество той рощей лиственниц у подножия Белухи, которая растет и тянется вверх под защитой великана, имя которому Природа. И она, эта маленькая роща, удерживает склоны снежной громады, удерживает оползни, а значит, удерживает его от разрушения. Вот тогда я впервые написал о том, что эпохой ноосферы следует называть тот

этап антропогенеза, когда человечество окажется способным реализовать режим коэволюции человека и биосферы. Когда развитие общества и деятельность человека будут содействовать развитию Природы, обеспечивать ее стабильность.

6.

Мир человека — это неразрывная связь рационального и иррационального. Это и интуиция, и инстинкты, непредсказуемость или нелогичность поведения и т.д. и т.п. И его духовный мир, его иррациональная сущность, по-видимому, принципиально необъяснима. Мы можем лишь говорить о том, что влияет на его формирование. И она, иррациональность человека, крайне индивидуальна, несмотря на большое количество общих черт у людей. Я 'это и по-старался показать на некоторых примерах, опять же из своей собственной жизни. Другого опыта у меня просто нет.

Но мир иррационального, его духовный мир не в меньшей степени нужен человеку, чем мир рационального, и в не меньшей степени влияет на поступки человека, чем его суждения, основанные на принципах рационализма. И, что, может быть, самое главное, - наибольшую радость, ощущение полноты и прелести жизни дает человеку как раз иррациональная составляющая его миропредставления, его жизни. И эта важнейшая компонента бытия человека не может не быть в центре внимания образовательной и воспитательной деятельности общества. И мы должны учиться на нее влиять так, чтобы уберечь человечество от деградации.

Учитель не может передать своим ученикам свой духовный мир. Люди очень разные, и то, что для одного может составить смысл жизни, то, во имя чего человеку хочется жить, для другого не стоит ничего! Но учитель может показать детям, и не только детям, но всем тем, кого он так или иначе учит, то, о чем они даже и не догадывались. Открыть перед ними страницу, о существовании которой они и не подозревали. Подобно тому, как однажды услышанная "Ночь просветления" открыла мне мир Рихарда Штрауса. И не в меньшей степени определила переориентацию моей практической деятельности, чем разговоры с одним из умнейших людей, которого мне посчастливилось встретить, с Н.В. Тимофеевым-Ресовским.

Многие часто не догадываются, каким богатством они потенциально владеют и сколько истинного счастья проходит мимо них. Показать им эти возможности — одна из важнейших задач воспитания и образования. И путь в этот мир иррационального лежит через познание искусства. И Природы. И, как я думаю, главным образом, через музыку и поэзию, способные в символической форме, минуя логику и рассудочность, непосредственно затронуть самые глубинные чувства человека.

Искусство ничего не должно отображать - это прежде всего бессловесный разговор автора с аудиторией, это невербализированное обращение к той иррациональной сущности человека, которая и есть его собственное Я! Искусство должно быть только ради искусства. Оно нужно, необходимо человеку. И очень важно, что оно способно затронуть те струны, которые перестают звучать в повседневной обыденности, глухнут под бременем жизненной необходи-

мости либо традиционных стремлений. И тогда к человеку приходит ДОБРО, то глубинное, что лежит за пределами познания, но что в не меньшей степени влияет на познаваемое и познанное, чем то рациональное, без которого человек не сможет жить на Земле. И вместе с ним у человека возникает то ощущение полноты и прелести жизни, которое, может быть, и составляет ее истинное содержание.

И тогда возникает синтез, о котором мечтали представители искусства нашего серебряного века. Сейчас такой синтез становится жизненной необходимостью. И это не пустая фраза. Его необходимость была гениально угадана нашей отечественной культурой еще сто лет тому назад.

Попробую подробнее пояснить подобное утверждение.

7.

Я много писал об экологическом императиве и не раз говорил о том, что императив экологический, то есть система ограничений человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых необходимо для продолжения процесса развития общества, неизбежно повлечет за собой императив нравственный. То есть для реализации экологического императива, необходимого для обеспечения жизни человека на планете, он, человек, неизбежно должен будет обрести новую систему нравов, по-иному вести себя с другими людьми, с Природой... Обрести новые цели и новые стимулы жизни. Это означает, что реализация экологического императива неизбежно потребует изменения структуры ценностей человека, а следовательно, и переориентации основы эволюционного развития человечества, то есть самого процесса антропогенеза.

Но как это может произойти? И может ли вообще произойти? Никакие решения ООН или постановления правительств для этого будут явно не достаточными. Да и церковь с ее проповедями и жесткостью канона, неприятием других церквей может лишь помочь, да и то в небольшой степени. Вспомним: заповеди Нагорной проповеди известны 2000 лет. Ничего более высокого никто никогда не произнес, а многое ли они изменили в поведении человека? Достаточно вспомнить, например, что богобоязненные протестанты в Америке платили деньги за каждый скальп индейца!

Конечно, есть и другие пути — чисто эволюционные, и история антропогенеза нам тому дает примеры. Табу "не убий!" - запрет на убийство себе подобного в борьбе за самку утвердился на заре палеолита, когда появились первые каменные топоры и наши предки овладели огнем. Он вывел человека из эволюционного тупика, куда его загнало развитие "техники". Умение сделать топор и умение его использовать требуют разных качеств, и в "рыцарских сражениях" гибли как раз те, которые были способны создавать новое. И если бы не возникло запрета на убийство, то развитие Разума у рода человеческого постепенно бы затухло, так как неизбежно стала бы меняться структура генетического потенциала человека. Знаменитый австрийский этолог Конрад Лоренц утверждает даже большее: не обладая инстинктом волка, когда победитель отпускает побежденного, подставившего свою шею под его зубы, люди просто перебили бы друг друга уже в те далекие времена!

Благодаря утверждению этого табу возникли основы морали древнего человека - его эволюция сменила канал. Биологическое развитие уступило место эволюции общественной. Чисто биологическое развитие человека и, следовательно, его мозга стало замедляться. Но Коллективный Разум и накопление информации продолжали развиваться, причем все ускоряющимися темпами. Однако сам Разум в этом процессе развития не участвовал: все шло само собой, действовал все тот же естественный отбор. Только на над-организменном уровне. Те роды, племена, в которых утверждался запрет на убийство, обгоняли в своем развитии другие и безжалостно уничтожали отставших. И ушли десятки, а может, и сотни тысяч лет, прежде чем произошла окончательная перестройка эволюционного процесса и человек научился жить в новых условиях. Вероятно, лишь два-три десятка тысяч лет нас отделяют от утверждения на Земле современного человека - кроманьонца.

Теперь у нас нет этих тысяч лет. Нет и сотен лет - экологический кризис грядет неумолимо, он уже на пороге. Конечно, законы самоорганизации сработают и сами по себе. Но это будет связано с ожесточенной борьбой за ресурсы, за место под Солнцем. С кровью и гибелью множества людей и даже целых цивилизаций. Уже сейчас начался разговор о "золотом миллиарде" - группе развитых стран, которые будут жить в довольстве, в условиях демократии, за счет остального мира, остальных миллиардов, которые будут оплачивать благополучие "золотого миллиарда" своими жизнями, прежде всего.

И ведь такое уже случалось в истории человечества. Вспомним ту же Спарту, где благополучие и жизнь граждан в условиях демократии обеспечивались жизнью неграждан-илотов. Вот и сейчас одна из возможных альтернатив развития планетарного сообщества - утверждение нового тоталитаризма и обеспечение благосостояния "золотого миллиарда". Для него будет и демократия, и права человека, и жандарм, готовый в любой момент пресечь самостоятельность остальных народов, их попытку выйти на рубеж благосостояния. И что греха таить - тенденция такого хода событий просматривается невооруженным глазом. Разве события в Боснии или Персидском заливе не являются тому подтверждением? Да и многое из того, что сейчас происходит в нашей стране, можно объяснить с тех же позиций.

Но ведь этот путь в конечном итоге ведет к гибели не только тех, кому суждено играть роль илотов в обществе ближайших десятилетий. И этот факт тоже просматривается достаточно отчетливо. Вот почему столь актуален вопрос: а есть ли у человечества иная альтернатива развития?

8.

Я не могу уверенно ответить на поставленный мной же вопрос. Но в одном я убежден: человек не имеет права отказаться от попыток найти эту альтернативу. Сегодня, быть может, мы открываем самую драматичную страницу истории человечества. Все отчетливее вырисовывается невозможность, абсолютная тупиковость того естественного пути общественного развития, той "извилистой тропы самоорганизации", которой шло человечество до сих пор (хотя и достигло удивительных успехов). Такое понимание становится достоянием не только отдельных ученых, как это было четверть века тому назад. Оно постепенно становится достоянием миллиардов людей, живущих на Земле.

Человечеству предстоит смена парадигмы развития, переход в другой эволюционный канал, подобно тому, как это случилось в начале палеолита, когда оно постепенно перешло от биологической эволюции к эволюции общественной. Но каков будет теперь этот новый канал, никому пока не известно. Хочется думать, и я в этом убежден, что выбор пути развития немыслим без участия Коллективного Интеллекта человечества. Не утопии; которая является плодом размышления того или иного мыслителя, а именно Коллективного Интеллекта. Значит, вопрос состоит не в том, чтобы попытаться создать конструкцию, подобно миру Кампанеллы или Маркса, а в том, чтобы "запустить" Коллективный Интеллект - направить его усилия на поиск необходимых компонентов тех цивилизаций, которые окажутся способными создать новую "парадигму развития".

Она возникнет не из пустоты. Она может развиваться только из того, что уже есть внутри нас, подобно тому как человечество, и ранее переживавшее кризисы, находило выход в той потенции, которая была заложена Природой в "природу наших предков".

После этих слов читателю уже нетрудно увидеть логику предлагаемого сочинения. Опираясь на свой жизненный опыт как на очень частный случай того Коллективного Опыта, который необходим Коллективному Интеллекту для выработки стратегии поиска и формирования новой эволюционной ПАРАДИГМЫ, я пытаюсь нащупать те ценности, которые присущи человеку (всем или отдельным индивидам) и могут, если и не составить содержание его жизни, то, во всяком случае, содействовать утверждению принципов коэволюции человека и биосферы.

9.

Я думаю, что ключ, способный открыть дверь в будущее человечества, окажется синтезом Разума и того иррационального начала, которое заложено в людях. От того, как Коллективный Разум сможет опереться на это иррациональное начало, во многом зависит судьба человека как биологического вида. Наука может формулировать необходимые ограничения, целую систему табу, но сможет ли человечество принять их? Каковы здесь возможные пути преодоления неизбежных противоречий и пути синтеза?

Достоевский сказал: "Красота спасет мир". Но ведь люди очень разные, и то, что для одного кажется прекрасным, для другого может ничего не значить. Я специально долго говорил о том, что мне не дано увидеть и понять ту красоту, которая есть в религиях. И отдаю себе отчет в своей ущербности, может быть, и генетической. А может быть, это и не ущербность: может быть, мне просто не встретилось человека, который сумел бы мне показать всю ту красоту, которая содержится в религиозном понимании мира. Ведь встретил же я Рихарда Штрауса, ведь довелось же мне пройти тропой, которая вела к подножью Белухи! И были еще встречи, подобные описанным. И они не только дали мне минуты истинного счастья. Но и "перевернули душу" - во многом определили мой внутренний мир, мои оценки и стремления.

Может быть, это прозвучит как банальность, но многие, многие стандартные ценности после этих встреч стали для меня просто жизненной суетой. Постепенно я стал по-настоящему

ценить свободное время и возможность думать о том, что мне интересно. И стремиться делать то, что интересно. Просто интересно - к чему "душа лежит". И поэтому однажды ушел в отставку: кажется, я был первым действительным членом Академии, воспользовавшимся этим правом, которое в 1985 году нам дало правительство.

Но для другого человека нужно совсем иное - его духовный мир просто "генетически настроен на другие частоты". Но я убежден, что для каждого человека есть своя "Ночь просветления". Нужно только однажды ее узнать! И помочь найти ее и есть, может быть, главная задача УЧИТЕЛЯ.

Я, например, убежден, что тот, кто увидел рожицу лиственниц, тянущуюся вверх под защитой снежного великана, никогда не сможет стать "новым русским", строящим уродливые кирпичные "шатоики" (от французского - chateau, то есть замок) и калечащим тем самым прелесть подмосковной природы.

Вот почему те процессы и приемы обучения, которые мы используем для того, чтобы научить человека владеть методами, разработанными на основе рационального мышления, совершенно неприменимы для воспитания того, что принято называть духовностью. Надо научиться показывать, может быть, даже иногда и не объясняя: услышавший да услышит! Это великий принцип обучения.

Я думаю, что надо начинать любое воспитание с эстетического воспитания (и образования). В том числе, а может, прежде всего, с эстетического восприятия Природы. И здесь огромна роль... музыки. Ибо прежде слов идут символы. Именно они проникают в душу человека, определяют его духовный настрой и лишь иногда, вербализуясь, превращаются в суждения или действия. И еще раз: особенно важны те символы искусства, которые так или иначе роднят нас с Природой. И русская культура, и особенно литература, для этого дают удивительного разнообразия материал, демонстрирующий самые разные оттенки "звучащей струны".

Не только знаменитое тютчевское "Не то, что мните вы, Природа..." — стихотворение, которое должно войти во все хрестоматии по русскому языку и экологии. Разве не то же демонстрирует нам часто недооцениваемая нами поэзия серебряного века. Это тоже стремление к синтезу слов и символов, музыкальных, прежде всего. Об этом писали русские мыслители, близкие к символизму. Прежде всего, Мережковский и Соловьев. Об этом же говорили и сами поэты, например, Брюсов и Блок. Знаменитое брюсовское "Где вы, грядущие гунны..." действует на человека не столько словами, сколько музыкой стиха.

10.

Экологические мотивы были определяющими при работе над этой статьей. Экологией сегодня принято называть науку о собственном доме, то есть о биосфере, ее особенностях и ее взаимоотношениях с человеком, а человека - с остальными людьми. Человек должен знать, что можно делать, а что нельзя, ни при каких обстоятельствах. Но выучить это — еще полдела. Надо, чтобы он следовал выученному. Чтобы он просто не мог вести себя по-другому. Здесь, конечно, надо говорить и о самой структуре общества, ее институтах, и многом

другом, о том, что мне хочется назвать "экологическим социализмом". Но это уже хотя и близкая, но другая тема.

Сейчас же я хочу говорить о том, что человек в гораздо большей степени обучаем, чем это считать общепринято. Да, в каждом человеке заложено некое иррациональное начало. У каждого человека свой собственный внутренний мир, непохожий на мир другого человека. Но духовные миры не возникают сами по себе, и они вовсе не случайны.

И если люди хотят сохранить себя, свой род, то, что накоплено культурой за тысячелетия, им необходимо не только знать современные научные теории, но и научиться воспринимать те символы красоты, которые есть в окружающем нас мире или созданы человеком.

Только тогда может возникнуть тот синтез, то единение с Природой, когда само понятие антропоцентризм потеряет смысл.

Или термины "антропоцентризм" и "природоцентризм" сделаются эквивалентными!